

Образ всадника в лучах солнца: геральдические кейсы Башкортостана и Тувы

Рамиль Н. Рахимов, Булат А. Азнабаев, Ирина В. Фролова

Башкирский государственный университет, Российская Федерация

В 1920–1930-е гг. в национальных республиках РСФСР и Тувинской Народной Республике проходил процесс конституционного развития и создания символов государственности. В 1925 г. в Автономной Башкирской Социалистической Советской Республике был принят государственный герб, в основе которого лежал образ всадника со знаменем в лучах солнца. Герб не был утвержден федеральным центром.

В 1930-е гг. процесс «советизации» гербов автономий привел к тому, что все они получили герб РСФСР с названием конкретной республики. Это явление было связано с провалом политики «коренизации», проводимой ВКП(б) в СССР в 1923–1928 гг. Направленная на создание советской национальной элиты, она привела к появлению национализма в регионах. Откат на консервативные позиции заставил партийное руководство перейти к унификации геральдической практики. В Тувинской Народной Республике «левый эксперимент» привел к кризисным явлениям, что обусловило отход от проведения радикальной политики. Смена курса привела к замене «советского» варианта герба на «национальный» с образом всадника в лучах солнца. В гербе 1935 г. через знак мандалы древнетюркская культурная традиция была интегрирована с буддийской.

В 1992–1993 гг. республики Тува и Башкортостан — субъекты Федерации — приняли новые гербы, в основе которых находится образ всадника в лучах солнца. Тува вернула основу герба 1935 г., а Башкортостан поместил на гербе памятник национальному герою Салавату Юлаеву в лучах солнца. Образ всадника в лучах солнца уходит в древность. Он олицетворяет архетип кочевника, гармонию с природой. В тюрко-монгольском эпосе конь, в некоторых случаях, выполняет функцию солнца. Феномен геральдической традиции Башкортостана и Тувы заключается в том, что древний образ как основа национальной идентичности в символической практике оказался значимее, нежели образы, связанные с религиозной или политической идентичностью.

Ключевые слова: геральдика; национальная политика; СССР; история Башкортостана; история Тувы; всадник; Тува; Башкортостан; герб

Для цитирования:

Рахимов Р. Н., Азнабаев Б. А., Фролова И. В. Образ всадника в лучах солнца: геральдические кейсы Башкортостана и Тувы // Новые исследования Тувы. 2022, № 3. С. 226–240. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.15>

Рахимов Рамиль Насибулович — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории России, историографии и источниковедения Института истории и государственного управления Башкирского государственного университета, член Комиссии по государственной символике при

Главе Республики Башкортостан. Адрес: 450076 Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32, каб. 201. Тел.: +7 (347) 272-63-70. Эл. адрес: rector@bashedu.ru, rakhimovrn@mail.ru

Азнабаев Булат Ахмерович — доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории Республики Башкортостан, археологии и этнологии Института истории и государственного управления Башкирского государственного университета. Адрес: 450076 Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32, каб. 201. Тел.: +7 (347) 272-63-70. Эл. адрес: rector@bashedu.ru, azbulatt@mail.ru

Фролова Ирина Васильевна — доктор философских наук, профессор кафедры истории России, историографии и источниковедения Института истории и государственного управления Башкирского государственного университета. Адрес: 450076 Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32, каб. 201. Тел.: +7 (347) 272-63-70. Эл. адрес: rector@bashedu.ru, irina.v.frolova@mail.ru

The image of a horseman in the sunlight: Heraldic cases of Bashkortostan and Tuva

Ramil N. Rakhimov, Bulat A. Aznabaev, Irina V. Frolova

Bashkir State University, Russian Federation

In the 1920s–1930s, a process of constitutional development and creation of symbols of statehood took place in the national republics of the RSFSR and the Tuvan People's Republic. In 1925, the coat of arms was adopted in the Autonomous Bashkir Soviet Socialist Republic, and it was based on the image of a horseman with a banner in the rays of the sun. The coat of arms was not approved by the federal center.

In the 1930s, the process of "Sovietization" of the autonomies' coats of arms led to the fact that all of them received the coat of arms of the RSFSR with the name of a particular republic. This phenomenon was associated with the failure of the policy of "korenizatsiya" ("indigenization") which was pursued by the CPSU(b) in the USSR in 1923–1928. Aimed at creating a Soviet national elite, it led to the emergence of nationalism in the regions. The throwback to conservative positions forced the party leadership to move towards the unification of heraldic practice. In the Tuvan People's Republic, the "leftist experiment" led to crisis phenomena which resulted in the retreat from the radical policy. The change of course led to the replacement of the "Soviet" version of the coat of arms with the "national" one that had the image of a horseman in the sun. In the coat of arms of 1935, the ancient Turkic cultural tradition was integrated with the Buddhist one through the sign of the mandala.

In 1992–1993, the republics of Tuva and Bashkortostan — the subjects of the Russian Federation — adopted new coats of arms which are based on the image of a horseman in the rays of the sun. Tuva used the basis of the coat of arms of 1935, and Bashkortostan placed the monument to the national hero Salavat Yulaev in the sunshine on the coat of arms. The image of a horseman in the sun goes back to antiquity. It personifies the archetype of the nomad and harmony with nature. In the Turkic and Mongolian epic literature, the horse, in some cases, serves the function of the sun. The phenomenon of the heraldic tradition of Bashkortostan and Tuva lies in the fact that the ancient image as the basis of national identity in symbolic practice turned out to be more significant than images associated with religious or political identity.

Keywords: heraldry; national policy; USSR; history of Bashkortostan; history of Tuva; horseman; Tuva; Bashkortostan; coat of arms

For citation:

Rakhimov R. N., Aznabaev B. A. and Frolova I. V. Obraz vsadnika v luchakh solntsa: geraldicheskie keisy Bashkortostana i Tuvy [The image of a horseman in the sunlight: Heraldic cases of Bashkortostan and Tuva]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 3, pp. 226–240. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.15>

RAKHIMOV, Ramil Nasibullovich, Candidate of History, Head, Department of Russian History, Historiography and Source Studies, Institute of History and Public Administration, Bashkir State University. Postal address: 32 Zaki Validy St., 450076 Ufa, Russian Federation. Tel.: +7 (347) 272-63-70. E-mail: rector@bashedu.ru, rakhimovrn@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-5642-6591

AZNABAEV, Bulat Akhmerovich, Doctor of History, Head, Department of History of the Republic of Bashkortostan, Archaeology and Ethnology, Institute of History and Public Administration, Bashkir State University. Postal address: 32 Zaki Validy St., 450076 Ufa, Russian Federation. Tel.: +7 (347) 272-63-70. E-mail: rector@bashedu.ru, azbulat@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-1551-9783

FROLOVA, Irina Vasilyevna, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Russian History, Historiography and Source Studies, Institute of History and Public Administration, Bashkir State University. Postal address: 32 Zaki Validy St., 450076 Ufa, Russian Federation. Tel.: +7 (347) 272-63-70. E-mail: rector@bashedu.ru, irina.v.frolova@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-6687-1963

Введение

Одним из феноменов отечественной геральдики является герботворчество национальных республик РСФСР и Тувинской Народной Республики 1920–1930-х гг. В нем, наряду с революционными символами (серп и молот, венки, красная звезда, колосья пшеницы) использовались символы национальные. Это символизировало рост национального самосознания, отражало в той или иной мере политическую ситуацию, складывавшуюся в процессе реализации модели советской модернизации. Однако ко второй половине 1930-х гг. все герботворчество свелось к принятию герба РСФСР с указанием названия конкретной республики. В начале 1990-х гг., в период становления новой России, субъекты Федерации разработали и приняли государственную и региональную символику, отражающую национальные, территориальные особенности, исторические традиции, стремление к развитию. В некоторых гербах нашли свое отражение образы и символы, идущие из древности, но сохраняющиеся в исторической памяти народа.

Отметим, что процесс отечественного герботворчества в советский и постсоветский периоды до недавнего времени не был исследован в полной мере, хотя можно выделить ряд работ, посвященных этой проблематике. В частности, в статье А. В. Безрукова констатировался факт принятия «национальных» гербов с последующей их «советизацией» и унификацией с гербом РСФСР в конце 1930-х гг., но не объяснялось, чем это было вызвано (Безруков, 2017). В ряде трудов описывался процесс составления гербов автономий (Ткаченко, 2015; Государственные и муниципальные ... , 2017). В них подавление «национального» геральдического контекста «советским» рассматривалось как произвол центра в отношении регионов — без отсылок к изменениям национальной политики. Большая часть публикаций приводила описание гербов (Сметанников, 2003; Сапрыков, 2004; Моченов, Коржик, 2005; Геральдика России ... , 2008; и др.). Ряд авторов предлагал классификацию региональных гербов, анализировал обстоятельства их создания, закономерность использования тех или иных символов (Корников, 2016; и др.).

Серьезным прорывом в изучении влияния советской геральдики на геральдику государств Востока новейшего времени стала монография К. А. Бичелдея и Б. Б. Монгуша, посвященная государственным символам Тувы (Бичелдей, Монгуш, 2019). Анализируя герботворчество Тувинской Народной Республики 1920–1930-х гг., авторы показали эволюцию символической политики, тесно связанную со сменой идеологических ориентиров, которая привела к вступлению в 1944 г. формально самостоятельного государства в состав СССР и трансформации ТНР в автономную республику РСФСР.

Обращение к геральдике Башкортостана и Тувы связано с интересным фактом — и в той, и другой системе представлен «всадник в лучах солнца». Возникнув в 1920–1930-е гг., данный этнокультурный образ, ставший символом, был впоследствии отвергнут советской геральдикой, но вернулся в гербы двух республик — субъектов Российской Федерации. Важно отметить, что в гербах других регионов России данный феномен никак не проявился. Наш исследовательский фокус сконцентрирован на геральдических традициях Башкортостана и Тувы, связанных с этим символом и являющихся основой как существовавших в 1920–1930-е гг., так и современных гербов. Интерес к этой проблематике в современном Башкортостане оживился в связи с празднованием столетия первой автономной советской социалистической республики, широко отмечавшемся в 2019 г. (Фролова, Уразова, 2020).

Особенности региональной геральдики РСФСР 1920–1930-х гг.

Первым опытом советской геральдики был герб РСФСР 1918 г., утвержденный Конституцией РСФСР 1925 г. На гербе на червлёном немецком барочном «картуше» размещались в лучах восходящего солнца перекрещенные серп и молот¹; над серпом и молотом, на картуше располагалась надпись «Р.С.Ф.С.Р.»; щитодержателями выступали колосья пшеницы с наложенной на них внизу красной лентой с девизом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Впоследствии, в 1978 г., в герб добавилась красная пятиконечная звезда с золотой каймой, расположенная над щитом.

Важно подчеркнуть, что советское государство создавало собственную геральдическую традицию, отказавшись от традиционного для дореволюционной России французского щита² и вводя

¹ Немецкий щит — геральдический щит в форме «растянутой шкуры», «картуша», образующего выемки и завитки.

² Французский щит — геральдический щит в виде прямоугольника с наибольшим заострением в средней нижней части.

новые символы: колосья, перекрещенные серп и молот, восходящее солнце с лучами. В том же 1918 г. был учрежден первый советский орден — орден Красного Знамени — с таким же девизом и символами. Геральдическое новаторство опиралось на символическую практику революционной эпохи. Н. А. Соболева отмечала, что ещё с середины XIX в. в символике социал-демократов использовались мотивы красного знамени, восходящего солнца и молота. Изображение эмблемы «Серп и Молот» отмечается в источниках сразу после Февраля 1917 г. (Соболева, 2018: 535). Красная звезда, по мнению исследовательницы, появилась как военная эмблема осенью 1917 г. по инициативе Н. И. Подвойского и вскоре стала символом Красной армии (там же: 538).

Н. А. Соболева отмечает также влияние на большевиков античной символики, обусловленное в том числе увлечением античным стилем сотрудничавших с властью представителей художественного течения «Мир искусства» (там же: 539–541). Если в первые послереволюционные годы в агитационно-массовой работе античным сюжетам отводили значительное место, способствуя романтизации революции, то со второй половины 1920-х гг. новое направление советской внешней и внутренней политики привело к постепенному снижению их применения (там же: 541–542). После 11 мая 1925 г. (принятия Конституции) символы серп и молот, восходящее солнце с лучами, колосья пшеницы и снопы пшеницы, девиз: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» становятся не только общеизвестными, но и легитимными.

Советский Союз унаследовал многонациональную территорию бывшей Российской империи, однако национальная политика, с которой в революцию вступили большевики, была декларативной. Перед партией стояла двудеятельная задача — преодоление «великодержавного шовинизма» центра и борьба с «национализмом» местных элит. Это привело к выработке мер, направленных на создание советских местных элит, развитие национальных языков, что получило название «политика коренизации». Ее сущность была изложена И. В. Сталиным в 1923 г. на XII съезде РКП(б) (Борисёнок, 2006; Дроздов, 2016).

В 1925 г. при ВЦИК была создана комиссия под председательством А. С. Енукидзе для выработки предложений и рекомендаций по созданию и утверждению флагов и гербов автономий. В апреле 1926 г., в связи с подготовкой проекта новой Конституции СССР, ВЦИК остановил работу по утверждению конституций автономных ССР и рассмотрению их флагов и гербов.

Как показывает перечень предложений руководителей национальных образований на совещании при СНК РСФСР по проблемам национальной политики, направленный 2 декабря 1926 г. В. М. Молотову, одним из существенных вопросов было конституционное оформление автономных республик, предполагавшее расширение их прав (ЦК РКП(б) — ВКП(б) ... , 2005: 446–447). В докладе председателя ВЦИК и ЦИК СССР М. И. Калинина в Политбюро ЦК ВКП(б) о работе комиссии «Строительство национальных республик и областных органов РСФСР» 21 марта 1927 г. говорилось, что в части мероприятий, направленных на урегулирование взаимоотношений РСФСР и национальных автономий в области оформления правовых норм предлагается ускорить разработку конституций автономных республик в «соответствии с их бытовыми национальными особенностями, в направлении предоставления определенных прав этим республикам в области законодательства и управления» (там же: 485). В итоге рекомендовалось для ускорения решения вопроса разработать Президиумом ВЦИК типовую Конституцию автономных республик (там же: 486). Иными словами, федеральный центр пошел по пути унификации, заметив возросшие запросы на свои права со стороны автономий.

Как эти процессы отражались в геральдической практике автономных республик РСФСР? Рассмотрим их на примере поволжских республик — Татарской и Чувашской АССР.

Первый, неофициальный герб Татарской АССР (художник Б. Урманче) был показан 25 июня 1920 г., в день провозглашения республики (рис. 1). Он представлял собой круглый щит, где на фоне восходящего солнца были изображены лук со стрелой, серп и молот, обрамленные венком из колосьев. Щитодержателями выступали татарин-рабочий и татарин-крестьянин (Государственный и муниципальные ... , 2017: 31–33). Данный герб не был утвержден.

Положение о гербе закрепила Конституция ТАССР 1926 г. Был разработан новый герб, автор его не известен (рис. 2). Он повторял герб РСФСР и дополнялся надписями на русском и татарском (латиницей) языках: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и «Татарская Социалистическая Советская Республика Российской Федерации» (в Конституции 1937 года — «Татарская АССР»).

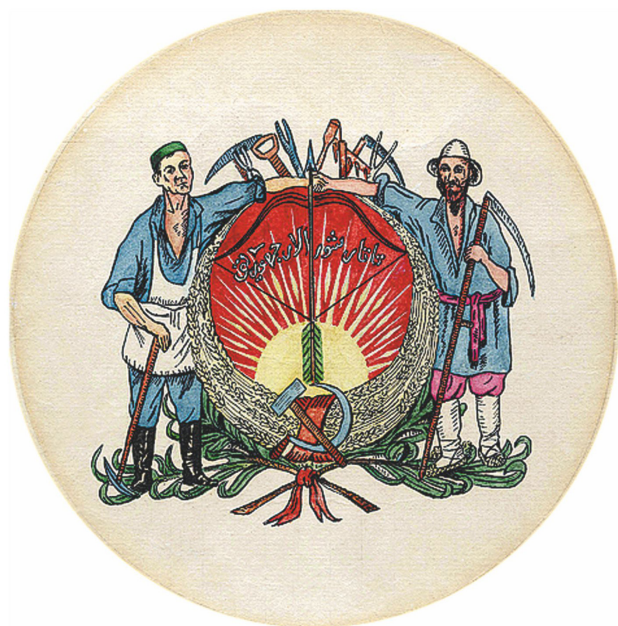

Рис. 1. Неутвержденный герб Татарской АССР, 1920 г.
Fig. 1. Unapproved coat of arms of the Tatar ASSR, 1920.

Рис. 2. Герб Татарской АССР, 1926 г.
(утвержден ЦИК Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Автономной Татарской ССР).
Fig. 2. The coat of arms of the Tatar ASSR, 1926 (approved by the Central Executive Committee of the Council of Workers', Peasants' and Soldiers' Deputies of the Autonomous Tatar SSR).

В 1920 г. была образована Чувашская автономная область, преобразованная в 1925 г. в Чувашскую АССР. По заданию правительства герб республики в 1926 г. разработал художник П. Е. Мартенс. Он состоял из изображения серпа и молота в лучах солнца, окруженных венком из колосьев с правой стороны и из дубовых и еловых веток — с левой стороны, перевитого снизу лентой с красной каймой с чувашским орнаментом на концах и с надписью на чувашском языке: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Над серпом и молотом помещалась пятиконечная звезда; вокруг шла надпись на чувашском языке «Чувашская автономная Социалистическая Советская Республика» и «РСФСР».

Уже в 1927 г. герб изменился — фон стал красным, а серп, молот, звёзды и лучи — золотыми (Ткаченко, 2015: 63–66).

В феврале 1931 г. IV (IX) съезд Советов Чувашской АССР кардинально изменил герб. Чувашские национальные орнаменты было решено убрать как «не отражающие правильную национальную политику пролетарского государства» (там же: 72). В Конституции Чувашской АССР 1938 г. гербом ЧАССР объявлялся герб РСФСР с добавлением надписи «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и «Чувашская АССР» на чувашском языке.

Как видим, и проект герба ТАССР 1920 г., и герб ЧАССР 1926 г. содержали советскую символику, но имели национальные особенности — лук со стрелой, национальные орнамент и язык. Заметим, что лук со стрелой не принятого проекта герба Татарской АССР окажется впоследствии основным символом на эмблеме тюркских легионов «Идель-Урал», сформированных из попавших в плен представителей тюркских народов Поволжья и Приуралья в нацистской Германии в 1942 г. (Дробязко, Карашук, 2000; Гилязов, 2005). Таким образом, непринятая «национальная» символика была использована в символике вооруженных сил, воевавших на стороне противника СССР.

Гербы с национальными элементами, заменёнными в 1937 г. гербом РСФСР с надписями на русском и национальном языках, кроме вышеуказанных республик, имели Дагестанская и Мордовская АССР. У Автономной Крымской, Якутской АССР, Автономии Немцев Поволжья гербы сразу повторяли герб РСФСР. Бурят-Монгольская АССР не имела герб, используя герб РСФСР. Те же автономии, что были образованы в 30-е годы XX века, в качестве герба также утвердили герб РСФСР с надписями на

русском и национальном языках: Марийская, Удмуртская, Коми, Карело-Финская, Кабардино-Балкарская, Чечено-Ингушская, Северо-Осетинская, Калмыцкая.

В это же время в процесс «советизации» государственной символики была вовлечена и Тувинская Народная Республика (Бичелдей, Монгуш, 2019).

На наш взгляд, геральдический феномен «исправления» гербов автономий РСФСР от «национальных» до «советских» в определенной мере объясняет концепция американского историка Т. Мартина о построении в СССР в 1920–1930-е гг. империи «положительной деятельности» (Мартин, 2011). Это означало, что на каждой национальной территории язык титульной национальности становился государственным, национальные элиты должны были после переподготовки влиться в советские партийные органы, возглавить управление, образование, культуру и хозяйство на местах (там же: 23). Большое внимание уделялось развитию национальных культур как основы национальной идентичности и национального самосознания нерусских народов СССР через символические признаки национальной идентичности — фольклор, музеи, национальную одежду и кухню, музыку, литературу, историю (там же: 25). При всем этом Москва не желала давать реального наполнения понятию «федерация», поэтому все властные полномочия оставались за центром.

По мнению Т. Мартина, политика «положительной деятельности» началась в 1923 г., продолжалась до ее пересмотра в период Большого террора в 1938 г. и имела свои периоды: НЭП (1923–1928), социалистическое наступление/культурная революция (1928–1932) и великое отступление (1933–1938) (там же: 43). В декабре 1932 г., в связи с кризисными явлениями (отказ от коллективизации на национальных окраинах) и провалом политики «украинизации» были приняты постановления, направленные на пересмотр данной политики (там же: 45). Как отметил Мартин, в реальности «коренизация» имела своим следствием появление национал-коммунистического уклона. «Великое отступление» в 1933–1938 гг. привело к реабилитации русской культуры, развитию процесса национальной идентификации русских. Сама же «русификация РСФСР» проводилась посредством метафоры «дружба народов» (там же: 541).

Почему провалился проект «коренизации»? Т. Мартин объясняет это, опираясь на схему становления национализма среди «малых народов» Восточной Европы, предложенную М. Грохом (Groch, 1985). По мнению последнего, вначале формируется интерес местной элиты к фольклору и народной культуре, за ним идет консолидация националистической элиты, стремящейся к созданию моноэтнического государства, а в результате возникает националистическое движение, пользующееся массовой поддержкой народа (Мартин, 2011: 28).

Таким образом, сложилась парадоксальная ситуация. Укоренение советской власти в национальных регионах привело к значительному подъему национального самосознания, так что уже с 30-х гг. XX в. власти начали рассматривать национализм как одну из серьезных опасностей и первыми элементами, подвергшимся ревизии, стали конституции автономий и государственные символы.

Неутвержденный проект герба АБССР 1925 года

В Всебашкирский съезд Советов, проходивший 21–27 марта 1925 г. в Уфе, принял Конституцию Автономной Башкирской Социалистической Советской Республики. В ней указывалось, что республика имеет свой государственный флаг и государственный герб. БашЦИК объявил конкурс на составление герба, и к 9 октября поступило пять проектов.

На заседании Президиума БашЦИК 25 октября 1925 г. был утвержден проект герба, который представлял собой «изображение на фоне символа лесоводства земледелия и промышленности, с надписями на башкирском и русском языках “Автономная Башкирская Социалистическая Советская Республика” и включением инициалов “РСФСР”, как отображением идеи федеративности»¹ (Свод законов и нормативных правовых актов Башкортостана, 2006: 233). Под «изображением» подразумевался всадник с красным знаменем, скачущий навстречу лучам солнца.

¹ Свод законов и нормативных правовых актов Башкортостана. VII том. 1923–1926 гг. / сост. А. Б. Юнусова. Уфа, 2006. 512 с. С. 233. [Электронный ресурс] // Государственное Собрание — Курултай Республики Башкортостан. URL: <https://gsrb.ru/ru/materials/izdatelskaya-deyatelnost/37041/> (дата обращения: 11.05.2022).

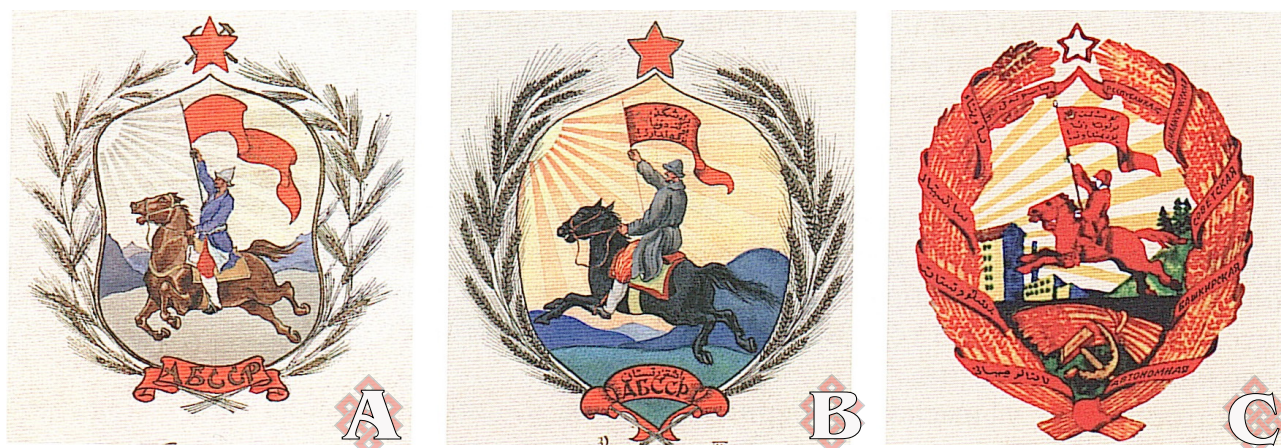

Рис. 3. Герб Автономной Башкирской Социалистической Советской Республики 1925 г., три варианта А. Э. Тюлькина.
Fig. 3. The coat of arms of the Autonomous Bashkir Socialist Soviet Republic, 1925; three variants proposed by A. E. Tiulkin.

Данный проект герба разработал известный в республике художник А. Э. Тюлькин, советский живописец, организатор Уфимского отделения Высших государственных художественно-технических мастерских, впоследствии — Народный художник БАССР, Заслуженный деятель искусств РСФСР, изучавший быт и культуру башкир. Им были предложены три варианта герба. Два других проекта герба и их авторы нам, к сожалению, не известны.

Как видно из рис. 3, все три варианта, предложенные Тюлькиным, имели в своей основе итальянский щит сложной формы с оконечностью в верхней части¹. Щит обрамлял венок из колосьев, в принятом варианте — снопов пшеницы, перевитых лентой (рис 3с). У двух непринятых вариантов внизу располагалась девизная лента с литерами «АБССР», у утвержденного — сноп и перекрещенные серп и молот. Оконечность щита во всех случаях венчалась красной звездой. На непринятых вариантах всадник скакал навстречу лучам солнца по степи на фоне силуэта далеких гор. Всадник был одет в национальную одежду, с национальным головным убором. На принятом варианте присутствовали производственные постройки (здания) и поросшие лесом горы. Надписи были на русском и башкирском языках, в последнем случае выполнены арабской графикой.

Если изображения снопов, колосьев, красного знамени, серпа и молота, звезды, лучей солнца, являлись сложившейся традицией с общепринятым набором символов, то всадник в лучах солнца олицетворял идею свободы башкирского народа, его стремление к лучшей жизни. Необходимо отметить, что у башкирского народа культ коня составляет одну из основ этнической идентификации (Илимбетова, Илимбетов, 2012: 551–555).

Также этнологи отмечают, что у башкир, как и у многих других народов, образы небесных коней переплетаются с солярным культом (там же: 579). Без лошади башкир не мог считаться воином, следовательно, и полноценным членом общины. Судя по челобитным XVII в. башкир, потерявший коня (коньми опал), получал от государства отсрочку в выплате ясака. Этнографы, изучавшие коренное население Южного Урала в начале XX в. отмечали, что башкиры смотрели на безлошадного человека так, как другие народы на бездомного, т. е. неполноценного члена общества. Ведь за него кто-то другой должен был отправляться на военную службу и выполнять обязанности перед государством и обществом. О социальном значении лошади для башкир говорит поговорка *Атың булһа, ил таный* (Когда имеешь коня — мир признает тебя). В обыденном сознании до сих пор сохранилось представление о башкире как о всаднике. Даже слово «мужчина» в башкирском языке звучит как *ир-ат*, то есть «мужчина-конь». Преобладание в башкирском стаде лошадей позволяет отнести башкирский социум к хозяйственно-культурному типу, который в науке получил название «всаднического». Под ними понимают определенное военное преимущество племен верховых кочевников над племенами оседлыми (Азнабаев, 2016). Напомним, что башкирская конница активно участвовала в войнах России XVII–XIX вв., а в только что завершившейся Гражданской войне принимала участие башкирская

¹ Итальянский щит — геральдический щит овальной формы.

Рис. 4. Герб Автономной Башкирской Социалистической Советской Республики 1926 г.

Fig. 4. The coat of arms of the Autonomous Bashkir Socialist Soviet Republic, 1926.

Рис. 5. Герб Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики 1937 г.

Fig. 5. The coat of arms of the Bashkir Autonomous Socialist Soviet Republic, 1937.

кавалерийская бригада М. Л. Муртазина. Всадник со знаменем был не только образом, но и символом исторической памяти, реальностью недавнего прошлого.

Использование итальянского щита, вероятно, было связано с тем же желанием не повторять геральдическую практику Российской империи, использовавшую французский щит (герб РСФСР имел в основе своей немецкий щит). Из герба РСФСР в проект герба АБССР «перешли» основные элементы: венок из колосьев, звезда, серп и молот, восходящее солнце с лучами, надпись «РСФСР».

Однако комиссия ВЦИК по рассмотрению проектов конституций автономий — Башкирской, Татарской, Немцев Поволжья — не утвердила в своем заключении Конституцию АБССР, а также герб. В качестве герба Башкирская автономия с 1926 г. использовала герб РСФСР с надписью на картуше «АБССР» (рис. 4). Унификация в геральдике была одним из важнейших элементов укрепления власти центра, реализации советского проекта модернизации. Окончательно она была реализована после принятия Конституции СССР и затем конституций автономий в 1936–1937 гг. 9 февраля 1938 г. БашЦИК утвердил герб БАССР, который вновь в целом повторял герб РСФСР с добавлением надписи «Башкирская АССР» на русском и башкирском языках (рис. 5). В таком виде с некоторыми дополнениями герб просуществовал до 1993 г.

Гербы Тувинской Народной Республики 1935 и 1939 годов

Тува (под названием Урянхайский край) в 1914 г. получила протекторат Российской империи. В 1921 г. здесь была провозглашена Тувинская Народная Республика (Народная Республика Танну-Тува).

В 1921–1926 гг. герб и флаг у Тувы отсутствовали, известны варианты знамени Правительства ТНР (Бичелдей, Монгуш, 2019: 9–13). В 1925 г. было принято решение о создании государственной символики. 24 ноября 1926 г. IV Великим Хуралом была принята Конституция Тувы, в которой описывался государственный герб: буддийский символ «хорло», внутри которого вписан земной шар в лучах солнца и в венке из колосьев, на него наложены перекрещенные серп и грабли. Герб был составлен К. Дондуком, но в него включили элементы из проекта герба, предложенного Ф. Ф. Разумовым (там же: 15). Герб сочетал в себе символы буддизма (круг «хорло») и революции (венки из колосьев, серп и грабли, лучи восходящего солнца).

В 1929 г. в Туве к власти пришло новое правительство, ориентированное на социально-классовый подход. Была принята новая Конституция Тувинской Народной Республики. В ней к прежнему гербу добавлялась пятиконечная звезда, надпись «ТАР»¹ и «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (Монгуш, 2011; Бичелдей, Монгуш, 2019: 18–19).

¹ТАР — Тыва Арат Республика, Тувинская Аратская Республика.

Рис. 6. Герб Тувинской Народной Республики 1935–1939 гг.
Fig. 6. The coat of arms of the Tuvan People's Republic, 1935–1939.

«Левый» эксперимент привел к росту народного недовольства. Внутренняя политика была откорректирована, принят «новый политико-хозяйственный курс», аналог советского НЭПа, советская идеология ослаблена. Буржуазно-демократические реформы отразились в новой Конституции 1936 г., оставшейся не утвержденной. Однако в символической политике изменения были более явными.

2 июля 1935 г. VII сессия и президиум Малого Хурала утвердили новый государственный герб, третий по счету (рис. 6), который состоял

«из пятиконечной звезды с дугообразными концами, окаймленной двумя жёлтыми кругами, а между этими кругами — красная лента, с изображением на голубом фоне территории ТАР серо-коричневого цвета, с лошадью белого цвета и сидящим на ней всадником-аратом в красном национальном костюме в черной шапке с красным околышем и в чёрных маймаках; с северо-запада освещает солнце; с юго-востока на север — серп зеленого цвета, внизу надпись: “ТНР. Пролетарии и угнетенные народы всего мира, соединитесь!” — жёлтого цвета» (Монгуш, 2016: 57).

В 1939 г. в связи с изменением руководством Тувы политического курса произошло укрепление позиции элит, ориентированных на СССР, что выразилось в усилении советской идеологии и политических репрессиях. В 1938 г. в герб были внесены изменения:

«Государственный герб республики состоит из изображения на голубом фоне пятиконечной тупой звезды, контуры территории республики серо-коричневого цвета, по которым изображен мчащийся на бело-серой лошади всадник-арат с красным шестом на руках в темно-синем национальном костюме, в чёрной национальной обуви, обращенный лицом к Востоку. С северо-запада освещает серебряное солнце, с юго-запада лежит серебряный серп с золотой рукояткой, внизу герба надписи жёлтого цвета: “ТАР” и “Пролетарии всех стран, соединитесь!” — на тувинском языке латинским шрифтом» (Бичелдей, Монгуш, 2019: 25–26).

«Пятиконечная тупая звезда», по справедливому замечанию Б. Б. Монгуша, на самом деле представляла собой пятичастный щит в виде пяти лепестков, а сам герб семантически был связан со знаком мандалы, ритуального магического круга в тибетском буддизме (Монгуш, 2016: 58). Мандала состоит из внешнего круга, вписанного в него квадрата и внутреннего круга, отражая представления тувинцев о гармоничном устройстве мироздания и государства (там же: 60). Схематично пятилепестковая пентаграмма заменяла внешний круг — символ Неба, Космоса, абрис территории Тувинской Народной Республики, квадрат — символ Земли, а всадник — хозяина земли (там же: 61).

Всадник с уруком (шестом с веревочной петлей для отлова животных) символизировал тувинский народ и, одновременно табунщика-коневода, который пас священный скот тувинцев — коней, «воздушного коня», олицетворяющего счастье всего тувинского народа (там же: 60). Этнологи отмечают, что в тюрко-монгольском эпосе конь, в некоторых случаях, может играть функцию солнца

(Илимбетова, Илимбетов, 2012: 581). Таким образом, в гербе ТНР 1935 и 1939 гг. древнетюркская культурная традиция была интегрирована с буддийской традицией (Монгуш, 2016: 61).

Почему произошла радикальная смена герба с сохранением нескольких его элементов? По мнению Б. Б. Монгуша, «левый эксперимент» 1929–1932 гг., связанный с ускоренным построением социализма в Туве, не осуществился, и властные элиты Тувинской Народной Республики признали особый «тувинский» путь развития (Монгуш, 2016: 61). Этот курс выразился в выделении национального элемента, высказанного языком геральдики.

В 1941 г. была принята новая Конституция ТНР. Герб вновь изменился, став уже пятым по счету. В нем совмещались изображения 1926 и 1930 гг. (земной шар, звезда, серп и молот, колосья) и 1935 г. (территория республики, всадник, скачущий навстречу солнцу). В данном случае элементы герба СССР и революционная символика сохранились, национальные особенности показывал всадник в лучах солнца, буддистская символика исчезла. Советизация герба была связана с тесными контактами, сложившимися в 1920–1930 гг. с СССР и с союзническими отношениями, оформившимися с началом Великой Отечественной войны.

11 октября 1944 г. ТНР вошла в СССР, с 13 октября 1944 г. в составе РСФСР появилась Тувинская автономная область, которая герба не имела. В 1961 г. область была преобразована в Тувинскую АССР и с 1962 г. в качестве герба имела герб РСФСР с надписью «Тув. АССР» на русском и тувинском языках. В 1978 г. в герб добавилась пятиконечная звезда, изменился порядок надписей. Данный герб просуществовал до 1992 г. Примерно такую же композицию, с изображением всадника-арата с урагой в лучах солнца, имел герб Монгольской Народной Республики с 1940 по 1992 г. Современный герб этого государства основной фигурой имеет изображение священного жеребца и национальную эмблему *соёмбо*, означающие независимость, суверенность и дух Монголии.

Таким образом, в 1920–1930 гг. в дружественной СССР Туве и в советских автономиях, в том числе Башкирии, шли процессы становления национальной государственности, включавшие в себя конституционное развитие и формирование государственной символики. Если в башкирской автономии развитие государственной символики шло от самобытной символики с обязательными атрибутами советской геральдики, то в Туве, формально независимом государстве, геральдические поиски, воплотившиеся в пяти гербах, отражали как национально-религиозную идентичность тувинцев, так и изменения внутреннего курса политических элит¹. И в том, и в другом случаях советская идеология в итоге вела к отказу от этноконфессионального начала в геральдике, постепенно вытесняя его унифицированной советской символикой. Однако на определенном этапе и в Башкирии, и в Туве был предложен, а в Туве и утвержден в гербе образ всадника в лучах солнца, соединяющий древние фольклорные представления и символизирующий новую жизнь.

Необходимо отметить, что советское герботворчество 1920–1930-х гг., нарушая правила геральдики, использовало на гербах надписи: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», названия республик. Однако это нарушение ввело в мировую геральдическую практику языки народов СССР, в том числе башкирский и тувинский.

Постсоветские гербы Тувы и Башкортостана

Начавшаяся в Советском Союзе перестройка вызвала сложный социально-экономический кризис и привела к параличу власти. Начались процессы дезинтеграции, в 1991 г. СССР прекратил свое существование. 12 декабря 1990 г. была принята «Декларация о суверенитете Республики Тува». 17 августа 1992 г. были приняты герб и флаг Республики Тува, утвержденные 17 сентября Верховным Советом Тувы.

В качестве герба был утвержден проект художников И. Ч. Салчака и О. И. Лазарева (Бичелдей, Монгуш, 2019: 36–37). Он представлял собой пятилепестковый щит из полукругов с золотым контуром, имеющим посередине серебряную полосу. Голубое поле щита имело в верхнем углу изображение солнца с пятнадцатью лучами, а в центре золотого всадника в национальной тувинской одежде на золотой лошади, скачущего навстречу лучам. В оконечности изображалась традиционная лента *кадак* белого цвета с надписью золотом на тувинском языке «Тыва» (рис. 7).

¹ Такие же процессы другие авторы отмечают на знаках почтовой оплаты Тувы (Воронин, 2022).

Рис. 7. Герб Республики Тува 1992 г.
Fig. 7. The coat of arms of the Republic of Tuva, 1992.

Рис. 8. Герб Республики Башкортостан 1993 г.
Fig. 8. The coat of arms of the Republic of Bashkortostan, 1993.

В официальном пояснении символики герба уточнялось, что всадник на гербе — арат-крестьянин-скотовод, олицетворяющий самобытность тувинского этноса, традиционный уклад жизни и основную хозяйственную деятельность. Он одет в национальный костюм и головной убор, который носили предки тувинцев. Само изображение всадника, скачущего навстречу лучам солнца, символизировало движение к светлой и счастливой жизни, миру, высоким идеалам. *Кадак* — церемониальный шарф, который преподносится как почетный дар, выражает гостеприимство и дружелюбие тувинцев. Пятилепестковый щит — стилизованный древнебуддийский знак вечности (Сат, Иргит, 2013: 415). Герб Тувы во многом повторял герб ТНР 1935 г. Таким образом, геральдика Тувы вернула свой основной символ — образ всадника в лучах солнца.

Как отмечают эксперты, в России в процессе создания гербов, лишь только республики Карелия и Тува могли опереться на существовавшие ранее региональные символы (Корников, 2016: 55). Остальные республики использовали в основном эпические сюжеты и образы, элементы национального орнамента, религиозные буддистские символы. Во всех республиках символика в той или иной степени олицетворяла возрождение национального самосознания титульных народов.

21 октября 1993 г. внеочередная XXIV сессия Верховного Совета приняла Конституцию (основной закон) Республики Тыва. В ней было повторено описание герба и флага республики. При издании текста Конституции 4 декабря 1993 г. было допущено искажение герба (солнце, всадник изображены серебряными с золотым контуром). Ошибочное изображение герба попало в ряд справочников¹.

По рекомендации Геральдического Совета при Президенте Российской Федерации в 2004 г. был разработан новый вариант герба (авторы В. С. Тойбу-Хаа, Д. Тойбу-Хаа). Он сохранял прежний герб в целом, но сам пятилепестковый щит вписывался во французский щит с золотым полем. Такой щит является традиционным для российской геральдики, а пятилистник становится, таким образом, отдельным символом («Самбыга»). На гербе исчезла лента *кадак* с надписью «Тыва», вместо нее появились серебряные горы, всадник получил в руку кнут, солнце осталось без лучей. 28 апреля 2004 г. проект был отклонен на заседании Верховного Хурала Республики Тыва (Бичелдей, Монгуш, 2019: 41). Действующим остался герб, утвержденный в 1993 г.

¹ Напр.: Символика России / ответ. вып. М. Заячковский, А. Польщикова. М.: Профиздат, 1997. С. 160.

Верховным Советом Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики 11 октября 1990 г. была принята Декларация о государственном суверенитете. БАССР была преобразована в Башкирскую Советскую Социалистическую Республику. С 25 февраля 1992 г. она получила название Республика Башкортостан. В целях реализации Декларации 26 ноября 1990 г. был объявлен конкурс на лучший проект герба, флага и гимна. 12 октября 1993 г. Верховный Совет Республики Башкортостан утвердил Государственный герб, автором которого был художник Ф. Ф. Ислахов.

Герб имеет форму круглого щита, обрамленного башкирским орнаментом (рис. 8). В центре расположено изображение памятника Салавату Юлаеву (скульптор С. Д. Тавасиев) в лучах восходящего солнца. В оконечности щита расположена лента, окрашенная в цвет Государственного флага Башкортостана, с надписью на башкирском языке «Башкортостан» и соцветием курая (зонтичное растение, из стебля которого изготавливается народный музыкальный инструмент) из семи лепестков, символизирующим связь с прошлым.

Композиционно герб оказался близок к проекту герба АБССР А. Э. Тюлькина 1925 г.¹ Первоначально изображение памятника было ориентировано по правилам геральдики слева направо. Однако памятник на местности расположен по линии «север — юг» и в таком варианте он находится в лучах заходящего солнца. В геральдике стороны определяются для держателя щита, владельца герба, таким образом, для зрителя правая сторона наблюдается как левая и наоборот. Для того, чтобы изображение соответствовало описанию, «в лучах восходящего солнца» изображение перевернули, и всадник движется на гербе влево, что нетипично для геральдики. На памятнике Салават Юлаев изображен в момент, когда он остановил коня перед прыжком. Тем не менее, одна нога у коня поднята, а в геральдике такой вариант обозначает движение.

Памятник Салавату Юлаеву трактуется как обобщённый образ джигита-воина, борца за свободу и справедливость, символизирует дружбу и единение народов Башкортостана. Таким образом, как и в Туве, герб Башкортостана 1993 г. наследовал от проекта герба 1925 г. образ всадника в лучах солнца.

Сравнительный анализ образа «всадника в лучах солнца»

А. А. Корников выделил среди гербов субъектов Федерации две группы (Корников, 2016): первая — гербы, опирающиеся на дореволюционные, вторая — гербы, включающие новые эмблемы, порывающие с традиционной дореволюционной геральдикой. Отличительная черта второй — «стремление подчеркнуть национальное своеобразие определенного субъекта Федерации» (там же: 54) с помощью исторических и мифологических персонажей, элементов национального орнамента, представителей местной фауны и флоры.

Исследователь подчеркивает, что, разрабатывая новые гербы, национальные республики намеренно отказались от возможности использовать дореволюционную символику территории, чтобы подчеркнуть национальное своеобразие, включая традиционные гербовые щиты (там же: 55). Например, в отношении Республики Башкортостан А. А. Корников отмечает отказ от дореволюционного герба Уфимской губернии. Здесь в рассуждения автора необходимо внести комментарий. Дело в том, что Уфимская губерния включала в себя как территории, вошедшие в состав Башкирской АССР, так и вошедшие в советский период в Татарскую АССР (Мензелинский уезд), Челябинскую область (Златоустовский уезд), что не могло не привести к упрекам в «территориальных» претензиях.

Тува и Башкортостан не имели дореволюционной символики, геральдическая история у них началась лишь в 1920-е гг. В начале 1990-х гг. республики обрели новую государственную символику, в основе которой оказался образ всадника в лучах солнца. Интересно, что наследниками кочевой культуры на постсоветском пространстве, кроме башкир и тувинцев, являются и казахи, киргизы, туркмены, буряты, и ряд других народов. Культ лошади присутствует у народов Кавказа, Алтая, и можно было предполагать, что образ всадника станет частью государственной символики этих народов. Однако выбор новых геральдических символов, проходивший в этих регионах повсеместно путем открытых конкурсов, не нашел своего воплощения в образе всадника, за исключением Тувы и Башкортостана.

Разумеется, основанием для выбора основного символа герба было не прямое желание обратиться к образу, несущему древнюю символику. В Туве это было новое прочтение герба 1935 г., сохранение

¹ Башкортостан. Государственные символы и символика городов и районов. Уфа : Башкортостан, 2007. С. 319.

геральдической традиции, отказ от советских элементов геральдики. В случае Башкортостана основным символом стал широко известный скульптурный образ национального героя, со сложившимся в советское время культом (имя Салавата Юлаева носят: город, район, предприятия, хоккейный клуб), и также отказ от элементов советской геральдики. Феномен новой, постсоветской геральдики Башкортостана и Тувы заключается в том, что древний образ как основа национальной идентичности в символической практике местных элит и общества оказался значимее, нежели образы, связанные с религиозной или политической идентичностью. Но в обоих случаях национальная идентичность ассоциирует всадника в лучах солнца с символом свободы, независимости.

В гербах Тувы и Башкортостана всадники в лучах солнца не идентичны, каждый из них имеет свои отличительные черты. Например, если в тувинском варианте всадник демонстрирует образ арата-скотовода, то в башкирском он персонифицирован в лице национального героя Салавата Юлаева. Несмотря на кажущуюся очевидность, данная персонификация на самом деле условна. Если для россиянина имя Салавата возможно известно из школьного курса истории, то для граждан других стран это просто всадник, остановивший на миг бег лошади перед прыжком, либо перед началом новой дороги. В гербе Башкортостана образ всадника включает элементы этнографии (орнамент «кускар», соцветие курая — растения, из которого изготавливается одноименный музыкальный инструмент). Наличие у всадника оружия (сабли, плетки) подчеркивает историческую память о военной службе башкир, воинах-защитниках Отечества, и одновременно показывает ценность свободы. Лучи солнца подтверждают правильность выбора пути, соединяя прошлое и будущее народов Башкортостана. В гербе Тувы образ всадника в лучах солнца сочетается с элементами буддизма и этнографии. Всадник органично соединяет религиозную картину мира и этническую идентичность тувинцев — олицетворяя древность, он движется в будущее, а его путь освещен солнцем, что символизирует верность пути народов Тувы.

Необходимо отметить, что многие старые геральдические символы общество наделяет новыми смыслами, поэтому образ всадника в лучах солнца универсален, открыт для нового прочтения последующими поколениями.

Заключение

Рассматривая региональную геральдику 1920–1930-х гг. на примере Башкирии и Тувы во взаимосвязи с менявшимся курсом национальной политики в СССР и Тувинской Народной Республике этого времени необходимо отметить, что и проект герба Автономной Башкирской Социалистической Советской Республики 1925 г., и гербы ТНР 1935 и 1939 гг. были связаны с «левым экспериментом» (политикой «коренизации»). Однако если в Башкирии, как и в других автономиях РСФСР, он привел к отказу от самобытных гербов, имевших национальные символы (в АБССР — всадник в лучах солнца), то в ТНР, напротив, — к принятию герба с ним. Дальнейшая вовлеченность в процессы советской модернизации Башкирии и Тувы имела следствием принятие унифицированной советской геральдики.

В постсоветский период традиционные представления элит Башкирии и Тувы привели к тому, что в основу гербов была положена не религиозная или советская символика, а уходящий вглубь веков образ всадника в лучах солнца, ставший символом развития и стремления к свободе. Иными словами, в символической практике архетип кочевника, человека, находящегося в гармонии с природой, оказался значимее, чем образы, связанные исключительно с религиозной или политической идентичностью. В начале 1990-х Республики Тыва и Башкортостан вернули на свои гербы образы всадника в лучах солнца. Данный образ созвучен символам, присутствующим в традиции народов Евразии — «Святой Георгий», «всадник со знаменем», «погонь»¹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азнабаев, Б. А. (2016) Башкирское общество в XVII — первой трети XVIII в. Уфа : РИЦ БашГУ. 370 с.
Безруков, А. В. (2017) Становление и развитие государственного регионального герба (на примере субъектов, входящих в состав РСФСР) // Наука. Общество. Государство. Т. 5. № 2 (18). С. 5–9.

¹ Погонь, погоня — в геральдике изображение всадника с поднятым мечом.

Бичелдей, К. А., Монгуш, Б. Б. (2019) Государственные символы Тувы. Герб, флаг и гимн. Денежные и почтовые знаки. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 112 с.

Борисёнок, Е. (2006) Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М. : Европа. 256 с.

Воронин, Р. М. (2022) Почтовые марки периода Тувинской Народной Республики как отражение эволюции общественного сознания тувинцев // Новые исследования Тувы. № 2. С. 177–187. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.12>

Геральдика России: полная иллюстрированная энциклопедия (2008) / сост. А. Г. Меринов. М. : Аванта+. 512 с.

Гилязов, И. А. (2005) Легион «Идель–Урал». Представители народов Поволжья и Приуралья под знаменами «третьего рейха». Казань : Татарское книжное издательство. 383 с.

Государственные и муниципальные символы Республики Татарстан (2017) / авт. сост.: Л. М. Айнутдинова, И. Р. Валиуллин, Б. Л. Хамидуллин, Р. В. Шайдуллин. Казань : Татар. кн. изд-во. 248 с.

Дробязко, С., Каращук, А. (2000) Восточные легионы и казачьи части в вермахте. М. : АСТ. 48 с.

Дроздов, К. С. (2016) Политика украинизации в Центральном Черноземье, 1923–1933. М. : Институт российской истории РАН. 487 с.

Илимбетова, А. Ф., Илимбетов, Ф. Ф. (2012) Культ животных в мифоритуальной традиции башкир. 2-е изд., испр. и доп. Уфа : АН РБ, Гилем. 704 с.

Корников, А. А. (2016) Геральдическое многообразие России. Гербы субъектов Российской Федерации: современное состояние, проблемы и поиски // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. № 3 (9). С. 51–58.

Мартин, Т. (2011) Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1923–1939 / пер. с англ. О. Р. Щелоковой. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина». 855 с.

Монгуш, Б. Б. (2011) Становление государственной символики Тувинской народной республики // Новые исследования Тувы. № 4. С. 79–82.

Монгуш, Б. Б. (2016) Герб Тувинской Народной Республики 1935–1939 гг.: отражение в символике традиционных космологических представлений тувинцев // Новые исследования Тувы. № 3. С. 54–64.

Моченов, К. Ф., Коржик, Ю. В. (2005) Гербы современной России : справочник. М. : Гербы и флаги. 296 с.

Сапрыков, В. Н. (2004) Государственная символика регионов России. М. : Парад. 96 с.

Сат, С. Ч., Иргит, А. Ш. (2013) Государственные символы Тувы на современном этапе // Вестник Иркутского государственного технического университета. № 12 (83). С. 414–417.

Сметанников, И. С. (2003) Гербы и флаги субъектов Российской Федерации. М. : Компания Ритм Эстейт. 112 с.

Соболева, Н. А. (2018) Идентичность Российского государства языком знаков и символов: эмблематики, геральдики, сфрагистики, вексиллологии. 2-е изд. М. : Издательский дом «ЯСК». 656 с.

Ткаченко, В. Г. (2015) Государственная и муниципальная символика Чувашии в историческом дискурсе. Чебоксары : Новое время. 184 с.

Фролова, И. В., Уразова, А. И. (2020) Политика памяти и историческая наука: научные итоги года, посвященного столетию Республики Башкортостан // Новейшая история России. Т. 10. № 4. С. 1019–1031. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.413>

ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос (2005) : в 2 кн. / сост. Л. С. Гатагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). Кн. 1: 1918–1933 гг. 784 с.

Hroch, M. (1985) Social preconditions of national revival in Europe: A comparative analysis of the social composition of patriotic groups among the smaller European nations. Cambridge, UK : Cambridge University Press. xiii, 220 p.

Дата поступления: 14.06.2022 г.

REFERENCES

Aznabaev, B. A. (2016) *Bashkirskoe obshchestvo v XVII — pervoi treti XVIII v. [Bashkir society in the 17th — first third of the 18th c.]*. Ufa, Editorial and Publishing Center at Bashkir State University. 370 p. (In Russ.).

Bezrukov, A. V. (2017) Stanovlenie i razvitie gosudarstvennogo regional'nogo gerba (na primere sub'ektov, vkho-diashchikh v sostav RSFSR) [The formation and development of state regional emblem (the example of the regions of the RSFSR)]. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*, vol. 5, no. 2 (18), pp. 5–9. (In Russ.).

Bicheldei, K. A. and Mongush, B. B. (2019) *Gosudarstvennye simvolyy Tuvy. Gerb, flag i gimn. Denezhnye i pochtovye znaki [State symbols of Tuva. Coat of arms, flag and anthem. Money and postage]*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 112 p. (In Russ.).

Borisenok, E. (2006) *Fenomen sovetskoi ukrainizatsii. 1920–1930-e gody [The phenomenon of Soviet Ukrainization. 1920s–1930s]*. Moscow, Evropa. 256 p. (In Russ.).

Voronin, R. M. (2022) Pochtovye marki perioda Tuvinskoï Narodnoï Respubliki kak otrazhenie evoliutsii obshchestvennogo soznaniia tuvintsev [Postage stamps of the Tuvan People's Republic as a reflection of evolving public consciousness of the Tuvan people]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 177–187. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.12>

Geral'dika Rossii: polnaia illiustrirovannaia entsiklopediia [Heraldry of Russia: A complete illustrated encyclopedia] (2008) / comp. by A. G. Merinov. Moscow, Avanta+. 512 p. (In Russ.).

Giliazov, I. A. (2005) *Legion «Idel'–Ural». Predstaviteli narodov Povolzh'ia i Priural'ia pod znamenami «tret'ego reikha» [Legion “Idel–Ural”. Representatives of the peoples of the Volga region and the Cisurals under the banner of the “Third Reich”]*. Kazan, Tatar Book Publishing House. 383 p. (In Russ.).

Gosudarstvennye i munitsipal'nye simvol'y Respubliki Tatarstan [State and municipal symbols of the Republic of Tatarstan] (2017) / compiled by L. M. Ainutdinova, I. R. Valiullin, B. L. Khamidullin and R. V. Shaidullin. Kazan, Tatar Book Publishing House. 248 p. (In Russ.).

Drobiazko, S. and Karashchuk, A. (2000) *Vostochnye legiony i kazach'i chasti v vermakhte [Eastern legions and Cossack units in the Wehrmacht]*. Moscow, AST. 48 p. (In Russ.).

Drozdo, K. S. (2016) *Politika ukrainizatsii v Tsentral'nom Chernozem'e, 1923–1933 [The policy of Ukrainization in the Central Chernozem region, 1923–1933]*. Moscow, Institute of Russian History of the RAS. 487 p. (In Russ.).

Ilimbetova, A. F. and Ilimbetov, F. F. (2012) *Kul't zhivotnykh v miforitual'noi traditsii bashkir [The cult of animals in the Bashkir mythological tradition]*. 2nd ed. Ufa, Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Gilem. 704 p. (In Russ.).

Kornikov, A. A. (2016) *Geral'dicheskoe mnogoobrazie Rossii. Gerby sub'ektov Rossiiskoi Federatsii: sovremennoe sostoianie, problemy i poiski [The heraldic diversity of Russia. Coats of arms of the subjects of the Russian Federation: Current state, problems and research]*. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, no. 3 (9), pp. 51–58. (In Russ.).

Martin, T. (2011) *Imperiia «polozhitel'noi deiatel'nosti». Natsii i natsionalizm v SSSR. 1923–1939 [The affirmative action empire: Nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939]* / transl. from Engl. by O. R. Shchelokova. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN) ; Foundation “Boris Yeltsin Presidential Center”. 855 p. (In Russ.).

Mongush, B. B. (2011) *Stanovlenie gosudarstvennoi simvoliki Tuvinskoï narodnoï respubliki [Formation of the state symbols of the People's Republic of Tuva]*. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 79–82. (In Russ.).

Mongush, B. B. (2016) *Gerby Tuvinskoï Narodnoï Respubliki 1935–1939 gg.: otrazhenie v simvolike traditsionnykh kosmologicheskikh predstavlenii tuvintsev [Elements of traditional Tuvan cosmology in the state emblem of the People's Republic of Tuva, 1935–1939]*. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 54–64. (In Russ.).

Mochenov, K. F. and Korzhik, Yu. V. (2005) *Gerby sovremennoi Rossii [Coats of arms of modern Russia] : A guide*. Moscow, Gerby i flagi. 296 p. (In Russ.).

Saprykov, V. N. (2004) *Gosudarstvennaia simvolika regionov Rossii [State symbols of Russian regions]*. Moscow, Parad. 96 p. (In Russ.).

Sat, S. Ch. and Irgit, A. Sh. (2013) *Gosudarstvennye simvol'y Tuvy na sovremennom etape [State symbols of Tuva at the present stage]*. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, no. 12 (83), pp. 414–417. (In Russ.).

Smetannikov, I. S. (2003) *Gerby i flagi sub'ektov Rossiiskoi Federatsii [Coats of arms and flags of the subjects of the Russian Federation]*. Moscow, Kompaniia Ritm Esteit. 112 p. (In Russ.).

Soboleva, N. A. (2018) *Identichnost' Rossiiskogo gosudarstva iazykom znakov i simvolov: emblemاتي, geraldiki, sfragistiki, veksillologii [The identity of the Russian state in the language of signs and symbols: Emblematics, heraldry, sphragistics, vexillology]*. 2nd ed. Moscow, LRC Publishing House. 656 p. (In Russ.).

Tkachenko, V. G. (2015) *Gosudarstvennaia i munitsipal'naia simvolika Chuvashii v istoricheskom diskurse [State and municipal symbols of Chuvashia in historical discourse]*. Cheboksary, Novoe vremia. 184 p. (In Russ.).

Frolova, I. V. and Urazova, A. I. (2020) *Politika pamiati i istoricheskaiia nauka: nauchnye itogi goda, posviashchennogo stoletiiu Respubliki Bashkortostan [Memory policy and historical science: Scientific results of the year dedicated to the centenary of the Republic of Bashkortostan]*. *Modern History of Russia*, vol. 10, no. 4, pp. 1019–1031. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.413>

TsK RKP(b) – VKP(b) i natsional'nyi vopros [The Central Committee of the RCP(b) – the CPSU(b) and the national question] (2005) : in 2 books / comp. by L. S. Gatagova, L. P. Kosheleva and L. A. Rogovaia. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN). Book 1: 1918–1933. 784 p. (In Russ.).

Hroch, M. (1985) *Social preconditions of national revival in Europe: A comparative analysis of the social composition of patriotic groups among the smaller European nations*. Cambridge, UK. Cambridge University Press. xiii, 220 p.

Submission date: 14.06.2022.